

«Фантазиях Фярятьева...» При общем отсутствии «ансамблевости» в спектакле и тех полутснгов, которые характерны для драматургии А. Соколовой, — все-таки Мать-Абашина была нетрадиционна. Актриса не захотела буквально «принять» все внешние определения характера. Не захотела быть доброй той наивной, немудрующей добротой, когда, отдавая жизнь, человек не размышляет, оценят ли это дети и в какой мере им это необходимо. Она точно определила и второй план — неудовлетворенности той жизнью, которой жила мать все это время, заботясь лишь о счастье своих «девуль» («Я ведь родилась здесь, но всегда мечтала уехать отсюда»). И может быть, то несвершившееся в ее жизни, внутренняя готовность встретить людей «фярятьевского типа» и помогает ей разглядеть не только «порядочность Павлика», но и его «высокое чувство», которое «большая редкость сейчас». Странности Павла Фярятьева она старается ПОНЯТЬ. Движение характера проявляется и в интонировании текста — к финалу спектакля все больше раздумчивых пауз, строже и сдержаннее актерская пластина...

А в «Жестоких играх» Абашина восприняла авторские ремарки несколько прямолинейно. Она была на сцене лишь усталой женщиной, подавленной волею мужа, начавшей розыски дочери только тогда, когда он это позволил. Сверхзадача у актрисы оказалась ниже, чем того, по моему, хотел автор: в пьесе мать Нели присутствует еще и как контраст целеустремленной Маше, считающей семью лишь досадной помехой в жизни. Обе эти крайности — как бы утверждает Арбузов — одинаково плохи, когда речь идет о воспитании детей, их счастье и человеческом предназначении, а главное — о добром отношении друг к другу...

Пожалуй, работа Абашинкой в «Жестоких играх» менее удачна и на фоне других ролей, с настоящим творческим подъемом сыгранных ею за последние два с половиной года. Встреча Клары Николаевны с режиссером Ю. Ереминым, глазным режиссером театра имени М. Горького, заслуженным деятелем искусств РСФСР, помогла актрисе вновь почувствовать свою значимость, свою индивидуальность. В частности, сыграть совершенно неожиданную для нее роль Варвары из «Последнего срока» В. Распутина и иначе взглянуть на горьковских героинь — до сих пор Абашину мучительно беспокоит Софья из «Последних». И, наконец, ей суждено было — можно

сказать, впервые, не считая давней, еще студенческой попытки сыграть Сою в «Дяде Ване», — на малой сцене театра встретиться с героями А. П. Чехова, бывшего для нее загадкой на протяжении всех тридцати лет сценической практики...

А между тем теперь, когда роль Екатерины Павловны Волчаниновой из «Дома с мезонином» уже сыграна, думаешь о том, насколько полно особенности творческой манеры актрисы сочетаются с интонациями чеховской прозы, чеховского театра. И что в данном случае ее недостатки: иногда несколько монотонная обыченность и привычка, общаясь с партнерами, думать про себя о чем-то своем, — становятся достоинствами. Потому что раскрывают постоянную готовность чеховских героев к тому, чтобы отрешиться от привычных ситуаций своей жизни, от того, что происходит сейчас, улыбаясь совсем иные призывы судьбы... А ее психологизм — умение раскрывать характер не через внешнее событие, а через событие в человеке? В большинстве своих пьес и рассказов Чехов как раз и исследует обыкновенную будничную жизнь между событиями, и сама драма заключена не в событии — а во времени, ему предшествующем.

Вот Абашина — Волчанинова, со светлой печалью на лице — почти как у Чехова «когда-то, по-видимому, красивая, теперь... грустная, рассеянная...» — с благоговием смотрит на Лиду, но во взгляде том — непонятость, разнприродность их мыслей. А вот на Женю смотрит живо, с пониманием, чувствует ее душу, как свою.

Внешне может показаться, что она давно живет скучно, бесцельно, и единственное, что ее заботит, — будущее дочерей. Кстати, когда читаешь Чехова, тоже не сразу ощущаешь второй план — многозначная глубина проступает уже после, и сами герои, и сама их жизнь вдруг обретают иную окраску... Вот и Абашина — Екатерина Павловна — разве можно сказать, что жизнь ее кончена, что за душой ничего, кроме воспоминаний?.. Во взгляде, часто как бы обращенном в себя, ощущается сопричастность не только прошлому, но и будущему. И эта полуулыбка, сопровождающая медленную игру в крокет... За полуулыбкой — деликатно скрываемая отвлеченность, опасение пропустить в этом медленном будничном течении жизни зов будущего. Именно это, истинно чеховское возвышение над жизненными обстоятельствами, как возвышаются над мелочными тревогами веч-